

УДК 343.3(575.2)

**БОРЬБА С ЭКСТРЕМИЗМОМ В КЫРГЫЗСТАНЕ:
ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Л.Ч. Сыдыкова

Рассматриваются проблемы законодательного регулирования борьбы с экстремистскими преступлениями в Кыргызской Республике. Дан анализ действующего законодательства, рассмотрены отдельные аспекты понятий “экстремизм”, “экстремистская деятельность”, “преступления экстремистской направленности”.

Ключевые слова: экстремизм; преступление; борьба; конвенция; уголовный кодекс; экстремистские преступления.

FIGHT AGAINST EXTREMISM IN KYRGYZSTAN: PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION

L.Ch. Sydykova

The article deals with the problems of legislative regulation of fight against extremist crimes in the Kyrgyz Republic. The analysis of the current legislation is given, separate aspects of concepts extremism, extremist activity, crimes of an extremist orientation are considered.

Keywords: extremism; crime; fight; convention; criminal code; extremist crimes.

Одним из факторов дестабилизации современной обстановки в Кыргызстане являются экстремизм и его проявления в виде различных видов и форм. В распространении экстремистских деяний значительную роль играют как внутренние, так и внешние угрозы. Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики к внутренним факторам безопасности отнесла следующие: усиление сепаратистских тенденций, межэтнических противоречий, фактор этнорегионализма и местничества в системе общественных отношений; к внешним – расширение масштабов международного терроризма и религиозного экстремизма.

А.И. Гуров, исследуя угрозы национальной безопасности Российской Федерации, дальновидно в качестве угроз XXI века отнес терроризм, развязываемый религиозными экстремистами. По его словам, эти фанатики не ограничатся распространением своих далеких от религий идей на локальной территории [1, с. 15].

Первым законодательным актом противодействия экстремистской деятельности в Кыргызской Республике стал закон “О противодействии экстремистской деятельности”, принятый Жогорку Кенешем в 2005 г. Его принятию предшествовала Шанхайская конвенция 2001 года “О борьбе с террориз-

мом, сепаратизмом и экстремизмом”, которая была ратифицирована законом КР в 2002 г. Следует отметить, что ряд государств также предпринял шаги по правовому регулированию проблем борьбы с экстремизмом в своих странах. Так, Российская Федерация приняла Закон о противодействии экстремистской деятельности в 2002 г., Таджикистан – в 2003 г., Казахстан – в 2005 г., Молдова – в 2007 г. Все это свидетельствует о достаточно высокой степени актуальности противодействия экстремизму, который активно набирает силу и приобретает не только региональный или местный характер распространения, но и международный.

Данное обстоятельство легло в основу разработки модельного закона “О противодействии экстремизму” Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ в 2009 г. Соответственно, появились новые составы преступлений в Уголовном кодексе Кыргызской Республики. Тем не менее существуют проблемы в законодательстве страны в части определения понятия экстремизма и экстремистской деятельности, поскольку до сих пор, несмотря на принятую конвенцию, в законодательстве названных выше стран данное явление трактуется и понимается по-разному. Отсутствие единого понимания в тер-

минологии порождает массу вопросов у правоприменителя, а население страны вообще затрудняется с определением экстремизма, связывая его понимание с терроризмом.

Как уже было сказано, в перечисленных выше странах используется разное название законов. В одном случае речь идет о борьбе (или противодействии) с экстремизмом, в другом – о противодействии экстремистской деятельности. В некоторых законах эти понятия рассматриваются как однопорядковые. Вопрос этот далеко не праздный. Но как рассматривать данный феномен – как правовое или как социальное явление? Существует огромное множество понятий экстремизма в исследованиях историков, политологов, социологов. Правоведы также не остались в стороне и формулируют собственное видение данного понятия. Не вдаваясь в полемику, которая и так имеет значительное число самых разных формулировок и высказываний по понятию экстремизма, и исследовано оно в различных трудах правоведов в последнее время, отметим, что экстремизм – в первую очередь явление социальное. В п. 2 Конституции Кыргызской Республики закреплено очень важное положение, согласно которому никто не может подвергаться дискриминации по признаку пола, расы, языка, инвалидности, этнической принадлежности, вероисповедания, возраста, политических или иных убеждений, образования, происхождения, имущественного или иного положения, а также других обстоятельств. Данное конституционное положение нашло свое отражение в уголовном законодательстве страны.

Что же понимается под экстремизмом? Чаще всего экстремизм понимается как приверженность к крайним или радикальным взглядам и идеям. Экстремизм связывают с политическими, религиозными или этническими мотивами при совершении определенных действий, которые могут выливаться в самые разнообразные формы негативного поведения. Интересно то, что порой в литературе перечисляются различные виды и формы экстремистской деятельности: молодежный, спортивный, правовой и др.

С.М. Иншаков полагает, что экстремизм выступает как приверженность к крайним взглядам и радикальным механизмам решения проблем [2, с. 333]. Несмотря на многочисленные определения экстремизма в юридической литературе, следует отметить отсутствие единого его понимания, из-за чего возникают сложности в определении его видов и форм. С.А. Ходжалиев, исследуя данную проблему, приходит к выводу, что экстремизм – многогранное явление, и понятие экстремизма мо-

жет быть сформулировано только на основе междисциплинарного подхода [3, с. 559–600].

Такой подход возможен, но, на наш взгляд, он будет все же более аксиологичен, о чем свидетельствуют труды философов и политологов по проблемам экстремизма. С точки зрения уголовного законодательства должны быть четко прописаны признаки каждого состава преступления, в том числе и тех, которые относятся к категории преступлений экстремистской направленности.

Однако в Шанхайской конвенции под термином “экстремизм” имеется в виду “какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон”. На первый взгляд данное определение имеет некие более четкие контуры или признаки экстремизма. Речь идет о захвате власти, насильственном удержании власти, насильственном изменении конституционного строя. Такая норма присутствует в Уголовном кодексе страны. Сложности возникают в последующих признаках. В частности, насильственное посягательство на общественную безопасность включает в себя ряд преступных посягательств, которые нуждаются в точном соотношении с понятием экстремизма. Ключевым признаком при определении искомого преступления является насилие при совершении преступлений против общественной безопасности, а целью – захват власти, или удержание власти, или изменение конституционного строя государства. Исключение составляет организация незаконного вооруженного формирования. В данном случае нет насильственных действий, но цель остается. Именно цель в данном случае будет определять направленность преступления как экстремистского.

Таким образом, международное законодательство несколько сузило понятие экстремизма. Такой подход безупречен, тем не менее представляется более правильным, нежели расширительное понимание экстремизма в праве.

Однако и это определение, которое вполне можно признать правовым, нуждается в детальной проработке для понимания. В этой связи интересен опыт законодателя Российской Федерации, который в Уголовном кодексе в примечании к ст. 282-1 сформулировал понятие преступлений экстремистской направленности. В частности, к ним

отнесены преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды по мотивам ненависти, или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части Кодекса и пунктом “е” ч. 1 ст. 63. Такой подход интересен тем, что законодатель, ввиду отсутствия единых подходов к пониманию экстремизма, сделал попытку разъяснения исследуемого понятия. Только в данном случае следует учесть, что речь идет о криминальном экстремизме, т. е. тех деяниях, которые получили свое закрепление в Уголовном кодексе. В основу образования данной группы преступлений лег соответствующий мотив преступления.

Что касается законодательства нашей страны, то в УК КР нет такого понятия, как “преступления экстремистской направленности”. Часто исследователи используют различную терминологию: “преступления экстремистской направленности”, “преступления экстремистского характера”, “экстремистская деятельность”, “экстремизм”, “криминальный экстремизм”. Понятие экстремистской деятельности мы встречаем в Кодексе об административной ответственности. В частности, в главе 35-3 предусмотрены правонарушения, посягающие на законодательство в сфере противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию террористической или экстремистской деятельности.

Возникает вопрос, что же понимать под экстремистской деятельностью? Тем более, что установленные правонарушения предполагают ответственность физических или юридических лиц за невыполнение требований законодательства по организации системы внутреннего контроля (ст. 505-18) или невыполнение законодательства по представлению сообщений и документов об операциях (сделках) с денежными средствами или иным имуществом (ст. 505-20). Названные нормы предполагают знание лицом преступлений экстремистского характера. В кодексе также нет понятия “экстремистская деятельность” или “преступления экстремистского характера”. Вероятно, вводя такой термин, законодатель исходил из того, что в случае возникновения проблем следует обратиться к закону КР “О противодействии экстремистской деятельности”. Однако и здесь не дано никакого перечня преступлений экстремистского характера или направленности. Такое разночтение в законах приводит лишь к тому, что применение норм становится достаточно сложной проблемой для правоприменителя. Отсутствует юридическая

определенность. Формально нормы вроде бы есть, но фактически они не применимы.

Если обратимся к закону КР “О противодействии экстремистской деятельности”, то видно, что основная масса правонарушений носит уголовно-правовой характер. Это и понятно, так как сама по себе экстремистская деятельность есть явление общественно-опасное и влекущее последствия достаточно серьезные как для интересов государства, так и для интересов общества и личности. В этой связи важно введение такой категории, как уголовный проступок. Тогда все становится на свои места, и деяния, в силу их небольшой опасности, можно отнести к категории проступка. И оно, по сути, остается уголовным. Вряд ли можно рассматривать административную ответственность по противодействию экстремистской деятельности как высокоэффективную. Таким образом, введение категории уголовного проступка позволит признать все экстремистские деяния криминальными.

Приведем один пример. Названный выше модельный закон рекомендует признать экстремистской деятельностью массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения (ст. 1). Законодатель Кыргызской Республики устанавливает уголовную ответственность за приобретение, изготовление, хранение, распространение, перевозку и пересылку экстремистских материалов, а также умышленное использование символики или атрибутики экстремистских организаций (ст. 299-2 УК КР). За распространение экстремистских материалов, возможно даже в единичном случае, наступает уголовная ответственность, а санкция предусматривает достаточно суровое наказание в виде лишения свободы от 3 до 5 лет. Законодатель Российской Федерации за массовое распространение таких материалов предусмотрел административную ответственность (ст. 20.29 Кодекса об административных правонарушениях РФ). В такой ситуации было бы желательно иметь единые подходы борьбы с экстремистской деятельностью. Представляется важным в такой ситуации провести унификацию законодательства в сфере противодействия экстремистской деятельности в государствах, подписавших Шанхайскую конвенцию по данному вопросу. Если этого не сделать, то следует признать, что деяния экстремистской направленности подразделяются на криминальные и административные. В одном государстве они будут признаваться уголовными, в других – административными, поэтому так важно ввести в сферу уголовного права категорию уголовного проступка. Это сняло бы все проблемы.

Но это, видимо, дело будущих реформ. Что касается нынешнего состояния дел, то следует признать отсутствие четких критериев классификации экстремистских деяний. В этой связи можно было бы предложить все экстремистские деяния рассматривать как криминальные. Далее все криминальные деяния следует классифицировать на следующие группы: преступления экстремистской направленности и собственно экстремистские преступления.

Преступления экстремистской направленности также нуждаются в уточнении. Понятие преступлений экстремистской направленности законодатель ввел в УК РФ, хотя в законе Российской Федерации по исследуемому вопросу говорится об экстремистской деятельности. В такой ситуации можно только констатировать попытку законодателя провести классификацию всех деяний, связанных с экстремистской деятельностью. В юридической литературе встречаются суждения о достаточно широком понимании преступлений экстремистской направленности. С. Юдичева, изучая соотношение понятий “экстремистская деятельность” и “преступление экстремистской направленности” приходит к выводу, что уравнивать их нельзя, поскольку они соотносятся между собой как частное с общим и экстремистские действия признаются преступлением [4, с. 28]. А.В. Петрянин, достаточно подробно проанализировал все существующие на сегодняшний день научные предложения по классификации преступлений экстремистской направленности и пришел к выводу, что классифицировать их следует по объекту и мотивации совершения преступления [5, с. 151].

Анализируя действующее законодательство, названные выше авторы достаточно аргументированно приходят к выводу о необходимости внесения изменений как в закон, так и Уголовный кодекс РФ по статьям, связанным с экстремистскими преступлениями.

Что касается законодательства нашей страны, то фактически используется понятие “экстремистская деятельность”, которая, по сути, носит уголовно-правовой характер. Никакого перечня преступлений экстремистской направленности в законодательстве нет. В этой связи следует исходить из закона “О противодействии экстремизму”, Шанхайской конвенции и соответствующих статей УК КР. И здесь сразу же возникает вопрос, можно ли

отнести к данной категории преступлений, например, убийство на почве межнациональной, расовой либо религиозной ненависти или вражды. Фактически речь идет о конкретных признаках убийства при отягчающих обстоятельствах. Такого рода статей в УК несколько. Если обратиться к конвенционным нормам, то ни один из перечисленных в нем видов экстремистской деятельности не подпадает под понятие данного вида убийства. Тем не менее, попытка как-то сгруппировать преступления с таким признаком предпринимается на практике.

В указанном выше модельном законе под экстремистской деятельностью предлагается считать совершение преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а также из мести за правомерные действия других лиц, с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение. Как видно, это довольно широкое понимание экстремистской деятельности, и национальный законодатель в этой части его проигнорировал.

Таким образом, к группе преступлений экстремистской деятельности по законодательству Кыргызской Республики следует отнести такие составы преступлений, которые предусмотрены в Уголовном кодексе КР и фактически соотносимы с нормами Шанхайской конвенции и закона КР “О противодействии экстремистской деятельности”.

Литература

1. *Гуров А.И.* Угрозы национальной безопасности Российской Федерации и их уголовно-правовое регулирование / А.И. Гуров // Уголовное право в XXI веке. М., 2002.
2. *Иншаков С.М.* Криминология / С.М. Иншаков. М., 2000.
3. *Ходжалиев С.А.* Современное понимание экстремизма / С.А. Ходжалиев // Молодой ученый. 2013. № 5.
4. *Юдичева С.А.* Уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества и участие в нем: дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Юдичева. М., 2014.
5. *Петрянин А.В.* Противодействие преступлениям экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук / А.В. Петрянин. М., 2014.